

Mezhzherina H. V. Conceptualization of boyar and posadnik characters in East Slavic literary monuments of 11–13th cent.

The article touches upon explication of the fragment of the Kyiv Rus' period world view. The quantitative and semantic volume, functions of nouns and adjectives that simulate the positive social-ethic portraits of boyar and posadnik were determined. The article is based on the analysis of ancient literary monuments of XI–XIII centuries.

Keywords: *worldview, Kyiv Rus', noun, adjective, socio-ethical portrait.*

Пименова М. В.

**Кемеровский государственный университет,
Россия**

КАТЕГОРИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются категории языка и культуры. Основное внимание обращено вопросу анализа категорий в обыденной картине мира на примере концептуальных метафор чувств, т.е. образных и символических признаков. Исследование сопровождается иллюстративным материалом из текстов художественной литературы.

Ключевые слова: *языковая картина мира, внутренний мир человека, концептуальная метафора, концепт.*

Интерпретация языковых средств, служащих для таксономии отдельных фрагментов мира, является одним из методов исследования процессов категоризации субъективной и объективной действительности и отражения этих процессов в языковых структурах. Термин *категория* происходит от греческого *katēgoria* “высказывание; признак”. В философии категории – это наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания. Категории образовались как результат обобщения исторического развития познания и общественной практики [1, с. 558].

Согласно классической теории категорий, восходящей к греческой античности, категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков. Признаки являются бинарными. Как утверждает в классической теории, категории обязательно имеют четкие границы (предполагается, что мир четко поделен на классы предметов и явлений); все члены категории равнозначны (имеют одинаковый статус, нет разных степеней вхождения в категорию). Но мир значительно сложнее, как показывают данные языков. В 1953 г. “Философских исследованиях” Л. Витгенштейн писал, что в своей повседневной жизни мы применяем неклассический подход к категоризации. Концептуальные категории и членство в них чаще всего определяются не необходимыми и достаточными признаками, а, скорее, некоторыми факторами, которые могут иметь разные степени важности; “границы категории расплывчаты” [2, с. 113]. В каждой культуре есть универсальные и

этноспецифические категории, последние отражают национальное своеобразие культуры.

В основе категоризации, рассматриваемой как процесс, лежат сложившиеся у носителей языка представления о сходстве и различии объектов, будь то объекты внешнего мира, подобно птицам, или феномены внутреннего мира – такие, например, как представления о душе, сердце или уме. Процессы категоризации связаны с человеком, его особенностями восприятия мира.

В отечественной лингвистике появились работы, в которых обобщаются основы национальной ментальности, которая закрепляется в словесном знаке и фактах языка, а познание, как известно, осуществляется в языке и через слово. В. В. Колесов указывает на такие особенности русского языка, так или иначе отражающие ментальные характеристики сознания (которые ниже приводятся почти в полном виде):

1. В центре русской грамматики находится не имя, выражающее устойчивое понятие, а глагол, обозначающий в высказывании действие и в предикате выражающий то новое, что несет в себе мысль.

2. Русский язык четко различает время внешнее и время внутреннее, т.е. категорию глагольного вида и глагольного времени.

3. Качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; качество, а не количество привлекает законченностью и разнообразием радужных форм; через п р и з н а к выделяется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью; отвлеченные имена также образуются с помощью адъективных основ, а самостоятельная категория имени прилагательного формируется в русском языке, начиная с древнейших времен.

4. В качестве связочного и предикативно осмысленного выступает глагол быть, а не глаголы *иметь* и *хотеть*, как во многих европейских языках. Установка на глагол бытийственного значения во многом определила характер русской философии. Идеально *бытие* и *быт* лежат в основе русского предикативного усилия мысли, тогда как формы владения и личного пожелания находятся на втором плане сознания.

5. В русском языке нет артиклей, что, в свою очередь, привело к размыванию границ между употреблением имен в речи. Разведение в сознании двух уровней семантической связки вещи и понятия, как они отражены в слове, делает англичанина стихийным номиналистом, тогда как некоторая размытость границ между вещью и понятием этой вещи у русских характеризуют как реалистов. Еще А. А. Потебня говорил, что “мысль направлена словом”.

6. Неопределенность высказывания с большим количеством неопределенных местоимений и различных синтаксических конструкций (например, безличных предложений) повышает степень уклончивости и

размытости русской мысли, которая скользит по яркости образа и сторонится определенности понятия.

7. Уклонение от метафоры определяется основной установкой словаря на метонимические переносные значения в слове. Метафорические переносы расцениваются как индивидуально-авторские, не всегда пригодные для общего пользования. Это – отказ творить в слове: с помощью метонимии легко истолковать традиционный символ, тогда как метафора создает новые символы, что (в индивидуальном исполнении) признается как ересь.

8. Категория одушевленности – остаток древнего языческого анимизма – также препятствует созданию оригинальной авторской метафоры, такой, которая оказалась бы понятной другим носителям языка. Русская мысль одухотворяет, неожиданно оживляет, все ценное, чему придается особый смысл.

9. Вежливая уклончивость проявляется в том, что славянский императив не является, собственно, повелительным наклонением, он восходит в древнейшей форме оптатива – пожелательного наклонения. Отношение к другому проявляется не в приказе или хозяйском повелении, но в пожелании, что высказывание будет принято к сведению.

10. В отношении к себе русский человек излишне категоричен, что с XVI в. поражало иностранцев: пользуясь формами родного языка, русский строит свое высказывание без помощи всякого рода уклончивых отступлений, ему не требуется оговаривать конкретную модальность своего высказывания, она содержится уже в конструкции его фразы (*я ведь говорил!*).

11. Категоричность самоутверждения и бытовой нигилизм находят себе поддержку в способности русского языка строить отрицание таким образом, что каждое отдельное слово высказывания отрицается само по себе: *никто никому никогда не должен!* Плеоназм (избыточность выражения) – особенность русской речи.

12. Категория состояния, присущая русскому языку, явлена только в речи. В грамматике это проявляется в употреблении наречий, или модальных слов, или второстепенных форм типа *мне жаль...*, *ничего нельзя...* Здесь нет никакой предикативной связи, действие не обозначено. Это состояние души, в чувстве переживающей событие.

13. Особенности русского языка, на основе ментальности формирующие обыденное сознание русского человека, выделяются общей установкой на характер общения: как типичное проявление речемысли во всех случаях преобладает не монолог-размышление (который воспринимается как признак неоправданной юродивости – *тихо сам с собою я веду беседу*), а активно протекающий диалог, в котором и рождается обоюдно приемлемая мысль. Мысль соборно рождается в *думе*, с той лишь разницей, что индивидуальная мысль не только направлена словом, тогда как совместная дума способна и строить слово.

14. Речь идет именно о диалоге как основной форме мышления. В исторической перспективе развития языка третий всегда лишний. Местоимение третьего лица он, она, оно, они формируется довольно поздно и до сих пор ощущается как родственное указательному в значении 'тот, другой', который находится вдали, вне диалога.

15. Собирабельная множественность объектов (нерасчлененная множественность) особенно хорошо представлена в отношении к людям, к сообществу, которое ценностно воспринимается в своей цельности: народ, толпа, полк... Многочисленные формы множественного числа сохраняют исходный смысл собирабельности или нерасчлененной множественности.

16. Постепенно происходило интенсивное отделение парадигмы единственного числа от парадигмы множественного, в которой окончания уже не различают имена по грамматическому роду: стол – стена в единственном числе с различием в окончаниях при совпадении окончания во множественном (столам, стенам и т.д.). Происходит разведение вещественного и понятийного значений в слове, причем близкое к понятию значение обычно связано с формой единственного числа, а отвлеченные имена вообще выступают только в этой форме (ср.: дух). На различении форм множественности формируется категория определенности, в которой нуждается устная речь.

17. Восхождение "по родам" приводило к порождению новых гиперонимов, и этот процесс предстает как непрестанное воссоздание символов, возникающее в момент воплощения концептов в содержательных формах слова. Для русской ментальности характерно построение синтетических моделей высказывания, что также отражает устремленность к целому, а не к аналитически данным его частям. Даже символический образ предстает здесь как основная манифестация понятия, "своего рода понятие", которое постоянно воссоздается путем наложения образа на известный символ. Символ существует, а понятие о нем постоянно воссоздается; язык здесь – энергия действия, а не его результат.

18. Безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и прочие типы предложения создают совершенно непере译имое на другие языки представление о зыбком внешнем мире, который является своего рода отражением мира другого, реального, существующего в сознании человека до встречи с миром внешним. Для русского сознания условие предпочтительнее причины – чисто внешне, субъективно определяемой характеристике действия, потому что на самом деле цель важнее условия.

19. Важна историческая последовательность в формировании русских сложных предложений, из которых самыми древними по сложению были условные предложения. Типы придаточных сгущались в соединении трех признаков высказывания: модальности, определенности и предикативности.

20. Новые типы словообразовательных моделей развивались почти одновременно с формальной специализацией различных типов

сложносочиненного предложения (гипотаксиса). Сложные слова также сжимались в обобщенные по единству суффиксов лексемы, с помощью которых легче было создавать длинные цепочки предложений. Сложные слова были своего рода аналитическими понятиями. Таковы основные признаки русской ментальности, проявляемые в русском языке. Становление ментальности определялось развитием самого языка” [3, с. 25-31].

Ментальность – оборотная сторона картины мира народа, представляющей собой систему категорий и субкатегорий. Категории, образующие картину мира, составляют основной семантический инвентарь культуры, потому что они запечатлены в языке, образуя его каркас. Человек мыслит о мире так, как “подсказывает” ему язык. Мыслить всем приходится в тех категориях, которые составляют основу языка, его каркас.

Остановимся подробнее на способах категоризации эмоций в русской концептуальной системе (подробнее об этом см. в: [7, с. 177-187]). Существующая в науке классическая теория категорий не является когнитивной теорией потому, что в ней рассматриваются отношения между реалиями физического мира, без учета того, как человек осмысливает мир. “Когнитивные модели, включающие как часть классические категории, предназначены для того, чтобы выполнять значительно более скромную функцию, чем классические категории, – они должны помочь осмыслить ту часть опыта человека, которая ограничена человеком и воспринимается самим человеком. Классическая же теория ставила перед собой задачу выявить независимо от мышления человека необходимые и достаточные условия для последовательной классификации всех реалий мира. Классификация, которую осуществляет сам человек, просто не укладывается в эту теорию так же как ... не укладывается и весь реальный мир” [4, с. 46].

Языковая категоризация носит черты “наивности”. В этом проявляется особенность мышления носителей языка. “Наивность” языковой категоризации обусловлена такими особенностями архаичного мышления, как конкретность, синкретизм, антикаузальность, антропоцентризм и протеизм, неразличение субъекта и объекта действия (отсюда необходимость различения семантического и синтаксического субъекта и объекта), неразличение категорий сущности и явления, причины и следствия. В языковой категоризации возможно взаимопересечение тех или иных областей знания, плавное перетекание их составляющих из одной категории в другую. Остановимся подробнее на способах языковой категоризации эмоций.

Эмоциональных состояний великое множество; эти состояния в большинстве своем мимолетны, мгновенны. Лишь те, что отличаются длительностью и переживаются чаще других, получают отображение в языке. В языке закреплены слова, обозначающие наиболее частотные и повторяемые чувства, но они совсем не исчерпывают всей эмоциональной палитры человека.

Эмоциональный опыт описывается в русском языке через ненаучные категории **испытания, переживания, чувства, способности, состояния, претерпевания** (см.: [6, с. 141-143]). Интересно, что заимствованные лексемы, обозначающие те или иные эмоции, обычно не включаются в эти категории по причине их чуждости русскому языковому сознанию, но они способны частично ассимилироваться, медленно и постепенно входя в национальную концептуальную систему (**чувство меланхолии/сплина/депрессии/хандры/экзальтации; *испытать меланхолию/сплин/депрессию/хандру/экзальтацию; *способен к меланхолии/депрессии/сплину/хандре; пережить ?меланхолию/*сплин/?хандру/*экзальтацию, но способен к экзальтации; пережить депрессию*). Но полного вхождения заимствованных концептов в те или иные категории культуры ждать не приходится.

В основе познания мира через категории находятся когнитивные модели. Под *когнитивной моделью* понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире. Когнитивные модели, так или иначе реализованные в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах.

Когнитивные модели (идеализированные модели мира), которые возможно выявить, проводя концептуальные исследования, помогают осмыслить те знания, ту часть неосознаваемого, автоматически воспроизводимого опыта, свойственного любому носителю языка. В каждом языке существуют особенности классификации реалий внешнего и внутреннего миров. Эти категориальные классификации обычно не совпадают с теми, которые принято называть научными классификациями.

Рассмотрим языковые категории эмоций, представленные в русской концептуальной системе.

Некоторые эмоциональные состояния в русской концептосфере передаются категорией **претерпевания**. *Претерпеть* – значит “испытать, перенести, пережить что-либо тяжёлое, неприятное” (*претерпеть обиду*). Когнитивная модель, находящаяся в основе этой категории, ‘временное сильное негативное эмоциональное состояние’. Эта категория немногочисленна по своему составу. В нее входят такие эмоции, как злоба, злость, мука (муки), обида, отвращение, раздражение, страдание, страх, ужас. Эта категория включает в себя эмоции, объединенные признаками ‘трудно переносимые, негативные психические состояния’. Вероятно, эта категория восходит к ритуальным практикам обрядов инициации.

Некоторая часть эмоций понимается как некое **состояние**, и когнитивная модель, позволяющая отнести ту или иную эмоцию к этому ряду, следующая: ‘настроение, расположение духа (обычно долговременное)’. Эта когнитивная модель реализуется в метафорах пространственного расположения человека внутри эмоции (*быть в восторженном состоянии; находиться в состоянии безразличия*), в

атрибутивних привативних конструкциях (*беззаботное/ безмятежное состояние кого*) или номинативных конструкциях (*состояние апатии*). Среди эмоций этой категории апатия, беззаботность, безмятежность, безразличие, беспокойство, бешенство, блаженство, веселье, вдохновение, взволнованность, влюбленность, возбуждение, возмущение, волнение, восторг, восхищение, гнев, горе, горесть, грусть, депрессия, досада, злость, изумление, испуг, ликование, любовь, недовольство, нежность, ненависть, неприязнь, обида, огорчение, ожесточенность, озабоченность, огорчение, отвращение, отчаяние, очарованность, паника, печаль, подавленность, покой, потрясение, радость, раздражение, расстройство, растроганность, растерянность, ревность, сердитость, скорбь, смущение, смятение, спокойствие, томление, тревога, угнетенность, удовлетворение, ужас, уныние, упоение (*восторженное состояние; возбужденное состояние; это событие ввергло его в состояние уныния*). Эта категория в народной классификации относится также к физическому самочувствию (*состояние дремоты; состояние опьянения/ усталости*).

К категориям эмоций относится **способность**, которая строится по когнитивным моделям 'умение, возможность' и 'индивидуальное (характеризующее отдельного человека) заметное свойство'. По этим когнитивным моделям определяются те эмоции, которые, с одной стороны, считаются в обыденной классификации доступными для освоения всем, но все же не каждый человек обладает умением их чувствовать в полной степени (они реализуются различного рода конструкциями: *способен бояться, способен так возмущаться; способность удивляться, уметь любить*), с другой стороны, эти эмоции всегда имеют индивидуальную отличительную особенность, присущую конкретному человеку, испытывающему эту эмоцию (*только она способна так любить; только он умеет так ненавидеть*). Эти эмоции объединяются по признаку 'сила/ интенсивность проявления'.

К категории **способность** можно отнести следующие эмоции: боязнь, веселье, возмущение, грусть, испуг, ликование, любовь, ненависть, обида, огорчение, отчаяние, раздражение, торжество, тоска, тревога, утешение (*он способен бояться собственной тени; он умеет ненавидеть, как никто другой*).

Часть эмоций в русской языковой картине мира описывается временными метафорами и называется **переживания**. Переживание – волнение, беспокойство по поводу чего-либо; это также душевное состояние, вызванное какими-либо сильными ощущениями, впечатлениями. Основа этой категории – когнитивная модель 'краткое/ важное интенсивное эмоциональное событие'. К такого рода эмоциям относятся волнение, восторг, восхищение, горе, досада, испуг, любовь, обида, огорчение, отчаяние, потрясение, раздражение, разочарование, смятение, страх, тоска, тревога, ужас, унижение, уязвленность, ярость (*пережить горе; пережить*

сильный испуг; любовные переживания сердца; пережить страх; пережить обиду). Перечисленные эмоции отличаются или кратковременностью, непродолжительностью, или это эмоциональное состояние понимается как некий важный этап в жизни, который успешно преодолен (т.е. здесь актуален признак 'конечности, завершенности'). Эти эмоции определяются также признаком 'силы проявления'.

Некоторые эмоции воспринимаются в русском языковом сознании как **испытание**. Категория **испытания** восходит к когнитивной модели 'этап в жизни человека, связанный с получением жизненного опыта, в будущем узнаваемого и частотного': испытание в научном знании – это тяжёлое, тягостное переживание; жизненные трудности и невзгоды. А в обыденной картине мира испытание связано с получением знаний в чувственной области физического и психического (*испытать боль; испытывать тревогу*). Вероятно, само слово *испытание* восходит к ритуальному обряду инициации. В современной языковой картине мира испытание сохранило свои категориальные рамки. В категорию **испытания** входят такие эмоции, как безразличие, беспокойство, бешенство, блаженство, возбуждение, возмущение, волнение, восторг, восхищение, гнев, гордость, горе, горесть, горечь (поражения), грусть, досада, жалость, злоба, злость, изумление, испуг, исступление, истома, ликование, любовь, мука, надежда, наслаждение, негодование, недовольство, неистовство, ненависть, неприязнь, обида, озабоченность, огорчение, опасение, оскорбление, отвращение, отчаяние, паника, печаль, подавленность, покой, потрясение, презрение, равнодушие, радость, раздражение, разочарование, ревность, симпатия, скорбь, скука, смущение, смятение, сожаление, сострадание, сочувствие, спокойствие, страдание, страсть, страх, счастье, терзание, томление, торжество, тоска, тревога, угнетенность, удивление, удовлетворение, удовольствие, ужас, умиление, умиротворение, унижение, уныние, упоение, уязвленность, ярость (*испытать восторг; испытывать восхищение; испытывать/испытать муку/муки/душевные терзания; испытать много радостей и горестей; испытывать страдания; испытывать обиду на кого; испытывать ярость*).

Категория **испытания** включает в себя эмоции, которые человек испытывает в сознательном возрасте, когда он может понимать, воспринимая, новый для него эмоциональный опыт (выделяется по признаку 'новизны'). С другой стороны, этот опыт человек испытывает в своей жизни вновь и вновь, т.е. он классифицируется по признакам 'повторяемости' и 'узнаваемости'.

Наиболее обширный класс образуют эмоции, объединяемые в языке в категорию **чувство**. *Чувство* – это гипероним всех имен перцептивного ряда, к которому относятся физические и физиологические чувства (*чувство голода; лишиться холода*), психические чувства: ментальные (*хорошо развитое чувство юмора*), эмоциональные (*ответное чувство*) и моральные (*моральное чувство; нравственное чувство; чувство стыда; чувство*

благодарности) (см. подробнее: [5, с. 58-119]). Внутри этой категории возможно подразделение на интенсивные и неинтенсивные чувства, характеризующиеся по силе их проявления (*сильное чувство страха; слабое чувство вины*). Для категории **чувство** свойственна общая оценка по шкале “хорошо-плохо” (ср.: *И то, что нехорошие чувства: зависть, жадность, себялюбие – не торжествуют, а чёрное зло побеждено*. Солоухин. Время собирать камни).

Категории **испытания** и **чувство** могут пересекаться и взаимодополнять друг друга (*испытывать нежные чувства; испытать чувство восторга; испытывать/испытать чувство облегчения*).

Некоторые эмоции особо отмечаются как длительно переживаемые чувства: грусть (*И долго сердцу грустно было*. Пушкин. Евгений Онегин), страдание (*В ней сердце долго ли страдало, Иль скоро слез прошла пора?* Пушкин. Евгений Онегин). Другие эмоции определяются как кратковременно испытываемые чувства, например любовь (*Любовь одна – мучение сердец. Она дарит один лишь миг отрадный, А горестям не виден и конец*. Пушкин. Любовь одна – веселье жизни хладной...), упоение от вдохновения (*Но вам, друзья, знакомо вдохновенье! На краткий миг в сердечном упоенье Я жребий свой невольно забывал (Минутное, но сладкое забвенье!)*... Тютчев. Друзьям при посылке “Песни радости” из Шиллера). Рассмотрим подробнее внутрикатегориальные классы **чувства**.

Чувство-состояние. Чувство в одном из вторичных значений определяется как “внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание” [8, IV, с. 689]. К чувствам-состояниям относятся ожидание (*чувство ожидания*), успокоение (*успокоительное чувство*). Чувство – временное состояние, которое может переходить в другое состояние, оно меняется, трансформируется во что-то иное. Чувство бывает трудно идентифицировать. Эмоциональное чувство-состояние описывается метафорами вкуса (*чувство горечи*), отношения (*чувство гадливости*), телесными метафорами (*чувство содрогания*).

Чувство-сознание. Ментальная сфера в русской языковой картине мира описывается в терминах *чувств*. К этой сфере относятся *чувство недоумения* ([Наташа] *оглядывалась вокруг себя, на лица зрителей, отыскивая в них то же чувство насмешки и недоумения*... Л. Толстой. Война и мир), *чувство любопытства* (*Ему [Ибрагиму] было двадцать семь лет от роду; он был высок и строен, не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство*... Пушкин. Арап Петра Великого), *чувство замешательства* (*В чувствах родных относительно этой свадьбы были заметны замешательство и стыдливость*. Л. Толстой. Война и мир). Способность осознавать, понимать то, что происходит в окружающем мире определяется как “способность чувствовать” (*терять чувства; в чувство прийти* “начать понимать”), которую человек может утратить (*лишиться чувств*).

Чувство-ощущение. Первое значение лексемы *чувство* – “способность ощущать, воспринимать явления объективной действительности” [8, IV, с. 689]. *Чувство-ощущение* отличают особые свойства – непонятность (*непонятное чувство; неизъяснимое чувство*), неосознанность (*неосознанное чувство*), неконтролируемость (*невольное чувство*). Такое *чувство* иногда трудно назвать, выразить (*невыразимое чувство*), сложно классифицировать то, что относится к малоосвоенной области (*неопределённое чувство; непостижимое чувство; неясное/смутное чувство; подсознательное чувство; полусознательное чувство; труднообъяснимое чувство*), т.к. *чувство* есть объект и средство восприятия. Развитие науки влечет за собой проникновение некоторых специализированных метафор в общенародный язык. Некоторые *чувства* отличают по качеству врождённости (*врождённое/прирождённое чувство чего*). В русской языковой картине мира *чувство-ощущение* моделируется двояко: как врождённый и как приобретённый в жизни опыт.

Чувство-эмоция. Ещё одно лексикографическое толкование лексемы *чувство* соотносит его с эмоциями – “внутреннее психическое состояние человека, его душевные переживания” [8, IV, с. 689]. В русском языке слово *эмоция* известно с конца XIX в.; оно пришло в русский язык из французского. Если слова *эмоция* не было, то эта сфера должна была каким-то образом обозначаться в языке. Классификация в научной картине мира не совпадает с народной, обыденной. Слово *ощущать* в древнерусском зафиксировано с XI в., *ощутити* означает “ощутить, узнать, понять”, *ощутитися* “почувствовать”, *ощущати* “находить”, *ощущение* “сознание” [9, I, с. 614]. Лексема *чувство* зафиксирована с XI в., в древнерусском и старославянском *чувство, чувствие, чувствьный* – “подлежащий внешнему чувству, ощущению” [9, II, с. 394]. В древнерусском языке *чувством* называли восприятие внешнего мира: *чувство* “производное от о.-с. *čuvati, итератив к *čuti – “слышать” (“внимать”, “осознавать”), “слушать”, “бодрствовать” [9, II, с. 394]. Восприятие в психическом (внутреннем) мире называлось *ощущением*.

Ныне *чувство* вобрало в себя все значения, которые закреплялись за лексемой *ощущение*. *Чувство* – общее слово для обозначения восприятия вообще. Результатом восприятия было осознание переживаемых ощущений. К таким ощущениям в русской языковой картине мира относятся физиологические (свойственные телу) и психологические (свойственные или приписываемые душе, уму, духу, разуму и т.д.). Для русского языка совершенно безразлично, какой способ положен в основу того или иного восприятия, главное – это то, что ощущается с некоторым известным результатом или реакцией (ср.: *чувство боли*: укол – телесное ощущение, *душа болит* – внутреннее ощущение).

В русском языке *чувство* отождествляется с эмоцией только в небольшой своей смысловой части. *Чувство* в русском многоаспектнее – это

и состояние, и восприятие, и ощущение, и характер, и сознание, и эмоция, и этика. Синонимами *чувства* в русском языке выступают *эмоция, настроение, переживание*. В английском *чувству* соответствует *feeling*, эмоции – *emotion*, настроению – *spirit* во вторичном значении (*to be in high/low spirit*), в немецком языке *чувство* – *Gefuehl*, эмоции эквивалента не имеют, а настроение обозначается лексемой *Stimmung*. *Чувство* как переживание (как способ жизни) – особенность русской языковой картины мира.

Чувство-отношение. Особая сфера взаимоотношений воспринимается как область *чувств* (*человеческие чувства; с каким чувством относиться к кому/ чему*). Парадигма *чувств-отношений* включает в себя следующие эмоции: антипатия, благодарность, гадливость, дружба (ср.: *чувство локтя*), доброжелательство, доверие, недоброжелательство, жалость, неприязнь, омерзение, патриотизм (*чувство родины*), превосходство, преданность, презрение, протест, противоречие, сострадание, (не)удовлетворённость.

Чувство-этика. Область *чувств* распространяется и на этическую сферу взаимоотношения людей. *Чувство* в определённом контексте относится к сфере морали и нравственности. К этическим чувствам можно отнести вину, стыд, унижение, гордость, торжество. Нравственность в обществе формируется двумя категориями *чувств* – *чувствами* религиозными и *чувствами* общечеловеческими (*религиозно-нравственное чувство*).

Чувство-испытание/ опыт. Опыт человека моделируется как шкала с зонами пережитого (а значит, известного, знакомого) и неизвестного (*незнакомое чувство*). Познанная сфера обозначается соответствующим образом – глаголом *испытать* в форме совершенного вида и производными (*испытать/ испытанное чувство благоговения/ восторга*). Испытание в русском языке – это переживание и получение некоторого опыта, знания (*испытать* “узнать, изведать”; *Ты новые чувства узнаешь И, может быть, счастье найдёшь. Жадовская. Ты скоро меня позабудешь...; ср. однокоренные слова: опыт, допытываться* “стараться узнать”, *любопытство*). Получение нового знания возможно в мечтах, в виртуальном мире (*И в дальний блеск душа лететь готова Не трепетом, а радостью объята, Как будто это чувство ей не ново, А сладостно уж грезилось когда-то. Фет. Горное ущелье*).

Ассоциативно-образную основу наивной концептуализации мира, являющейся способом ее освоения, формируют архетипы. Архетипы как первичные эмоциональные образы, живущие в нашем языковом сознании, создают языковую картину мира. Язык отражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными, функциональными и культурными факторами. Обыденные представления на природу человека отображают существовавшие некогда знания об этой природе. Эти знания не научные, они, скорее, могут быть отнесены к народной гносеологии, это реликтовые формы древней системы знаний. Человек не останавливается в своем развитии, он дальше познает окружающий и внутренний миры. Познание

сопровождается открытиями, которые необходимо назвать, дабы объяснить другим носителям языка суть этого открытия. Исследователь редко придумывает новые слова, обычно он использует уже имеющиеся ресурсы языка. Привнесенные извне имена новых эмоций включаются в систему существующих категориальных отношений в языке. И ныне мы являемся свидетелями встраивания заимствованных имен эмоций в русскую концептуальную систему (ср.: *состояние апатии; быть в экзальтированном состоянии; сентиментальное чувство*).

Современные способы познания мира известны – это научные исследования в той или иной области знаний. В научной классификации эмоции делятся на интенсивные и экстенсивные, выражаемые вовне и переживаемые внутри и др. В языке эмоции представлены совершенно в иной классификационной сетке. Язык при его глубоком изучении преподносит факты иного – донаучного – познания мира. Под влиянием развития науки и расширением культурных связей с другими народами полученные знания закрепляются в языке и в концептуальной системе. Другими словами, язык хранит все познанное народом на протяжении всей истории своего существования, в языке закрепляются некоторые (но не все) актуальные для носителей языка научные знания.

Исследование развития категориальных структур в диахронии и в сопоставлении – ближайшая перспектива особого направления когнитивной лингвистики. Сложность таких исследований заключается в том, что многие категориальные признаки в древних текстах отсутствуют, что связано со спецификой их функционирования. Воссоздать структуры категорий возможно, обратившись к фонду устного народного творчества. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий.

Л и т е р а т у р а :

1. Большой энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 492.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы. – М. : Гнозис, 1994. – С. 75-320.
3. *Колесов В. В.* Язык и ментальность. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с. (Slavica Petropolitana).
4. *Лакофф Дж, Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. *Пименова М. В.* Концептуализация чувства в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. – Кемерово : Комплекс “Графика”, 2003. – С. 58-120 (Серия “Концептуальные исследования”. Вып. 2).
6. *Пименова М. В.* Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. – Кемерово : КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия “Концептуальные исследования”. Вып. 9).

7. Пименова М. В. Метаязык описания способов категоризации эмоций в языке // Исследование познавательных процессов в языке : сборник научных трудов. – Москва : ИЯ РАН, Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 177-187.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. – М., 1993.

Пименова М. В. Категорії мови і культури.

У статті розглядаються категорії мови та культури. Основну увагу приділено питанню аналізу категорій у повсякденній картині світу на прикладі концептуальних метафор почуттів, тобто образних та символічних ознак. Дослідження супроводжується ілюстративним матеріалом із текстів художньої літератури.

Ключові слова: мовна картина світу, внутрішній світ людини, концептуальна метафора, концепт.

Pimenova M. V. The languages` and cultural categories.

The article presents an analysis and description of the conceptual metaphor of feelings in Russian languages` picture of the world. This article discusses the problem of the conceptual metaphor`s analysis: it`s different figurative and symbolic features and components which forms the structures of the concept feeling. Analysis of the metaphor`s parts are demonstrated on the concept feeling which allows to study the formation of core component and interpretative field in literature sources.

Keywords: the language picture of the world, mans` inner world, conceptual metaphor, concept.

Плужникова Т. И.

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

**АРТИОНИМ КАК ВЕРБАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА**

В статье рассматривается особый вид креолизованного текста, в качестве которого выступает картина: его вербальную часть составляет артионим, выполняющий роль экфрасиса, а иконическую – то, что на картине изображено. Их сочетание усиливает значимость каждого, благодаря чему достигается синергический эффект.

Ключевые слова: креолизованный текст, артионим, экфрасис, синергический эффект

В последние годы в лингвистике сформировалось понимание так называемого “креолизованного текста” (термин принадлежит Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову), или семиотически осложненного, “нетрадиционного”, видеовербального, составного, поликодового. Содержание такого текста рассматривается через призму его передачи вербальными и невербальным средствами коммуникации (Е. Е. Анисимова,